

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА...

Отшумели пятнадцатилетние балы в театре оперы и балета имени Абая. Отшумели близость чарльстоны. Можно уже, пожалуй, возвращаться к очередным творческим делам: открывать двери столичного музыкального театра для зрителей...

Многое в жизни нашего театра с каждым днем становится все яснее и яснее — среди шумного бала, в особенности. Ведь это не где-нибудь в закусочном клубе заставлял целую тапальную-хитрую эпопею для молодежи, а в ведущем академическом театре республики.

Его призвание — ставить на сцене лучшие оперы и балеты, приобщать к музыкальным, классическим и произведенным советскими композиторами на современные темы, способствовать эстетическому развитию зрителя, его коммунистическому сознанию. Высокие задачи воспитания юного гармонично развитого человека определены программой партии, принятой XXII съездом КПСС. Это же обязывает творческих работников, музыкальные и театральные коллективы ко многому.

...В ала-утинском оперном театре решили повеселить встретить Новый год. Но вместо спектаклей подряд пятнадцать (!) вечеров танцев — нет уж, извините, это не к лицу академической опере.

И это не все. Вернее, это — мероприятие № 3, а №№ 1 и 2 проводились утром и днем. Для детей. Конечно, оперно-балетный театр обязан думать о художественном воспитании не только взрослых, но и юных зрителей. Что стоило возобновить в репертуаре театра имени Абая детскую оперу «Морозко» или детский балет «Доктор Айболит»? Но руко-

водители театра идут по пути наименьшего сопротивления.

За широкой некоей развлекательностью было состряпано бездарное, предельно легкосовременное представление на-современному тему, 11 дней (по два раза в день) показывал академический музыкальный театр столь блистательный опус. Действующие лица: дядя Мороз, чета советских космонавтов, Мишка, Зайка, «Волшебница, хранящая факел знаний», товарищ Труд и несколько «веселых ребят».

Все они по воле руководителя оперного театра и автора этого пошлогого произведения актера ЮОЗы Л. Кошкиной, «спущенные в историю человечества» отплясывают на Марс (только ступеньками — Волк и Лиса — в наказание остаются). А там — «скорпиры» дяди Мороза: выступает (на Марс-тол) самый примитивный фокусник на «Казакхонцерт», затем показывается (на Марс-тол) танец змеи из оперы «Лакме», и, наконец, демонстрируется (на Марс-тол) древний явский танец, взятый напрокат из старой редакции казахской народной оперы «Кыз-Жибек». И еще на Марсе, словно в ярком зеркале, изображают кубуинский танец, а все вместе — космонавты, Мишка, Зайка, «Волшебница, хранящая факел знаний» и весь ансамбль — поют... Гимн демократической молодежи мира... А в оркестре оперного театра во время этого представления играет всего... шесть человек — кларнет, труба, тромбон, контрабас, рояль, ударные...

Что тут можно сказать? Большая тупица. Но как умудрились докатиться до такой, с позволения сказать, репертуарной политики в крупнейшем театре Казахстана? И что дает такая «политика» театру? Барышни? Нет. За чужбинную похлебку продал театр свое доброе имя, свою творческую репутацию.

Здесь нельзя не напомнить, что после прихода новых руководителей театра Ж. Ер-

кимбекова и В. Горского, уже отразившихся годовишину своей деятельностью, поставлена одна советская опера — и именно та, о которой в докладе первого секретаря Союза композиторов СССР Т. Н. Хренникова на III Всесоюзном съезде композиторов сказано, что это — «опулафбравата» (опера И. Даврижского «Судьба человека»).

Не случайно же в передовой статье газеты «Советская культура» за 8 декабря 1962 года говорится: «Серьезную тревогу вызывает и положение, сложившееся в Казахском театре оперы и балета имени Абая, все более теряющем свои лучшие традиции...».

Та же мысль была ясно выражена и в редакционной статье «Казахстанской правды» «На творческом пути», опубликованной еще 21 января прошлого года, и в недавней статье «Известий» «Театр слепых позиций».

Опаянок каких-либо перем в жизни театра, в его творческой атмосфере, не видно. Вызывает возмущение реакция театральных директоров на выступления печати. Редакционная статья «Казахстанской правды», например, не обсуждалась два месяца (!), затем она была на широком собрании единогласно признана правильной. Но прощая почти год, как протокол собрания пришел к делу... Поэтому вопрос о тревожном состоянии творческих дел в театре имени Абая не может быть снят с повестки дня.

Какие творческие вопросы решает театром за последнее время и какими оперными спектаклями он поразовала зрителей? Что сделано и делается для воспитания творческой индивидуальности, для роста и выделения артистической молодежи? В чем и как раскрылись творческие возможности талантливого коллектива? Где творческие поиски театра и чем обогащается его репертуар?

Вместо ответа на эти вопросы сошлемся, например, на репертуар Одесского оперного

театра, где ставятся многие советские оперы: «В бурю», «Звезда», «Тихий Дон», «В степях Украины», «Город юности», «Назар Стодола», «Богдан Хмельницкий», «Готфрид Кюб», «Советской культуры» Ин. Палов ставит вопрос о «малопродуктивности, творческой инертности репертуарных планов Одесской оперы» (№ за 15 января с. г.). Да, но в сравнении с Одесским театром у нас, можно сказать, вообще не ставится буквально ничего, а то, что было, наконец растеряно... Театр, забывав о своем призвании, проходит мимо лучших произведений советского оперного творчества.

Театр не будет творчески развиваться без перспективного репертуарного плана. Отсутствие такого плана ведет к застою. А театр имени Абая живет сейчас без всякого репертуарного плана даже на ближайший год. Отличные названия (в том числе и произведений, над которыми только начата работа) — это еще не план. Между тем руководители Управления по делам искусства Е. Размазнов публично стал делить неубитых медведей, — рассуждать о предстоящей постановке новых опер Брусиловского и Мухамеджанова в то время, как композитор только начал работу над своими произведениями.

К застою ведет и сама система, существующая в театре. Казахская оперная труппа показывает свои спектакли (правильнее было бы сказать — один и те же несколько спектаклей) не более двух раз в неделю. Это означает, что она живет ланым образом за счет старых творческих поколений и всего того, что было приобретено на протяжении прежних лет. Но, как известно, искусство требует постоянного, упорного, неустанный совершенствования. Без этого нет движения вперед и нет возможности продвигаться на уже достигнутом уровне. Отсюда — застой, а то и движение в обратном направлении.

Два раза в неделю — это означает работать от случая к случаю. Такая «система» порождает творческую размыченность, шаткость, леню. Но ведь в эти два раза в неделю участвуют далеко не все и далеко не все артисты театра. Для артистической же молодежи, для ее творческого роста, подобный порядок просто губителен.

Вопрос усложняется и тем, что в театре не существует никаких форм художественного контроля над всем тем, чем занят артист за пределами «двух раз в неделю»: работает ли он над собой, поддерживает и развивает ли свою вокальную технику, расширяет ли творческий кругозор. Смысли на эпизодическое проведение вокальных партий с концертмейстером были бы совершенно неудовлетворительным ответом на поставленные вопросы. Артист должен как-то много работать, чтобы быть в необходимой исполнительской форме и повышать свою артистическую квалификацию. Разве этому может помочь участие легковесными эстрадными песнями, как это наблюдается у некоторых оперных артистов (и, в особенности, у талантливой Еремка Сергеева), атакующая погоня за дешевыми лаврами?

Все, что здесь сказано, в полной мере относится и к коллективу артистов русской оперы, где тоже снижены требования художественного качества и тоже систематически нет элементарной необходимой нагрузки. Тут и возникает давно назревшая проблема объединения обеих трупп, как это весьма успешно сделано в Кыргызском театре оперы и балета. Такая реформа во многом содействовала бы оживлению и улучшению всей работы театра.

А кто может сейчас утверждать, что несколько спектаклей, ушедших в репертуаре казахской оперы, — «Кыз-Жибек», «Ер-Тарган», «Абай», «Виржан и Сарар» — находятся в нормальной художествен-

ной форме и что все в них благополучно в смысле ансамблевого, интонационного, ритмического, эстетико-сценического? Разве в таком виде должны идти текущие спектакли в академическом театре национальной оперы? И каков вообще художественный критерий в театре? — вот вопрос особенно острый и важный. Отсюда и другой вопрос: что и как репертуруется — и репертуруется ли отдельные фрагменты текущих спектаклей или же все уж так образцово, что не требует никакой репетиционной работы?

Нет, не все в порядке и, скажем прямо, не все благополучно в нашем оперном театре. Каков уж тут благополучно, если вылетели из репертуара шедевры русской оперной классики «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», «Руслан», украшающие лучшие оперные сцены страны, — если в репертуаре театра имени Абая нет ни одной оперы Римского-Корсакова, Мусоргского, — если исчезли из репертуара оперы о дружбе народов «Дударя» и опера о колхозниках Казахстана «Золотое зерно»

Брусиловского, первая угурская опера «Назугум» Кужамьярова? Каков уж тут благополучно?

Театр не имеет авторитетного опытного главного дирижера. Но следует вспомнить, что подлинные успехи нашего театра связаны с именами крупных дирижеров — профессора В. И. Пирлодова, профессора Г. А. Столярова, народного артиста РСФСР И. А. Зяка. Что ж, переживали теперь дирижеры на советской земле?

И немало зависят, конечно, от директоров театра. Неблагополучно у нас и директоры. Они не специалисты оперно-балетного искусства, в театрах не работали. Ни директор Ж. Екимбеков, ни директор-распорядитель В. Горский (никогда раньше даже такой должности в театре не было!) не знают специфики музыкального театра, репертуара, вопросов мастерства на оперно-балетной сцене. А здесь нужны требовательность и взыскательность, верное направление, без которых невозможно возвращение театра имени Абая на путь творческой славы.

В. МЕССМАН.

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

2 стр. 19 января 1963 г.